

ОКЕАНЫ СЛЁЗ И МАГИИ

18+

КЕРЕН ШИВФ

18+

Керен Шуф

Океаны слёз и магии

<https://litres.ru/74610189>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смерть от рук любимого мужчины — жестокий финал. Но мне выпал редкий билет: переписать историю с чистого листа.

Я поклялась обходить своего убийцу десятой дорогой и просто выжить. Вот только стоит сделать шаг по новому пути, как сам мир вокруг начинает трещать по швам. Вместе со второй жизнью во мне просыпается странный дар — способность видеть призрачные отголоски других судеб.

В этих фантомных мирах я никогда не была одна. Меня окружают незнакомцы — мужчины, от чьих взглядов пылает кожа, а от прикосновений рушатся все прежние табу.

Кто они? Игра моего искажённого разума или скрытая реальность, о которой я раньше не догадывалась?

И главное — почему с каждым днём я всё сильнее сомневаюсь, что моя гибель была лишь банальной изменой, а не жестоко продуманным заговором?

#второй_шанс

#попаданка_в_свое_прошлое

#многомужество

#эротика

#тайны_прошлого

#альтернативная_реальность

Содержание

Пролог	5
Пробуждение	7
Восстановление	17
Сомнения	21
Игра началась	28
Цена молчания	42
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Керен Шуф

Океаны слёз и магии

Пролог

Я задыхалась, прижатая к стене, без возможности вырваться. Сильные пальцы мёртвой хваткой сжимали горло, а разум отказывался воспринимать реальность происходящего. Последнее, что я успела увидеть, — любимые глаза, смотревшие с безразличием.

Темнота перед глазами рассыпалась, и всплеск фантомных волн увлёк меня в иное пространство.

Шёлк простыней приятно охлаждал кожу, а горячие руки сжимали бёдра. Ощущение удушья пропало, позволяя сделать вдох. Лёгкие обожгло ароматом терпкого парфюма, табака и моря. Надо мной возвышался мужской силуэт.

Губы накрыли мои — требовательно, властно. Горячее тело прижалось вплотную, а пальцы вплелись в волосы. Я не знала этого человека, но от близости перехватило дыхание.

Поцелуи скользнули к шее, и с губ сорвался стон... Попытка распахнуть глаза смыла видение, оставляя в памяти лишь тёмный, почти чёрный взгляд. Нарастающий шум воды резко сменил реальность.

Вокруг шелестела листва. Я лежала на траве под звёздным

небом, пока тяжёлое горячее тело вжимало меня в землю. Настойчивые, глубокие движения заставляли выгибаться навстречу, а нежные руки крепко сжимали талию.

Я тонула в его серых глазах.

Касания обжигали. Губы припали к шее, скользнули по ключице, не давая времени опомниться. Не осознавая до конца своих действий, я сжала его сильные плечи, жмурясь от нарастающего наслаждения. Очередной толчок — и разум смыло волной. Всё вокруг вновь затянулось водой, выталкивая меня в новую реальность.

На этот раз я осознала себя по грудь в прозрачной, тёплой воде. Прижатая к широкой груди, я ощущала поцелуи, скользящие по волосам.

— Любимая, — раздался шёпот над ухом.

Вокруг ласково плескалась вода, смывая остатки мыслей. Попытка обернуться в его объятиях, чтобы разглядеть лицо, привела к распаду видения. Всё резко прекратилось, оставляя в памяти нежные слова и приятный тембр.

Ощущение свободного падения, судорожный вскрик — и я распахнула глаза.

Над головой покачивался знакомый полупрозрачный балдахин. Сердце бешено колотилось в груди, а пальцы рефлекторно взметнулись к шее, всё еще хранящей фантомную, жгучую боль от смертельной хватки.

Пробуждение

Я прижала ладони к шее.

Под пальцами ощущалась лишь гладкая, теплая кожа. Но фантомная боль все еще сжимала горло, словно меня только что выпустили из удушающей хватки.

Голова покоилась на мягких подушках, а взгляд цеплялся за знакомый полупрозрачный балдахин. Сердце колотилось в бешеном ритме. Хотелось убедить себя, что все это — лишь дурной сон, но воспоминания обрушились на меня сокрушительной волной. Слишком четкие, слишком живые, не оставляющие шанса на иллюзию.

Мне было двадцать три. Нашей дочке — всего два месяца.

В тот день с утра малышка плакала после практически бессонной ночи. Люциан должен был уехать по делам Короны очень рано, пока мы еще спали, но служанка обмолвилась, что он задерживается и пока не покинул особняк, так как к нему прибыла леди Вивьен. Услышав это, я обрадовалась, что успею попрощаться, и заодно попрошу его вызвать лекаря.

Дверь его кабинета на первом этаже была приоткрыта, но изнутри доносился приглушенный полусшепот. Насторожившись, я осторожно заглянула в узкую щель.

На коленях у мужа сидела леди Вивьен. В обществе эта женщина всегда держалась подчеркнуто холодно и вежливо,

но сейчас, обвивая шею моего мужа и поглаживая его плечо, она выглядела совсем иначе.

— Ну сколько можно, Люциан? — тихо жаловалась Вивьен. — Я ждала тебя столько лет, даже закрыла глаза на твою свадьбу! Ты же обещал, что мы будем вместе. Мне надоело прятаться по углам, я хочу открытых отношений!

— Потерпи, Вивьен, — раздался спокойный, ровный голос мужа. — Ная необходима для моего положения и статуса при дворе. Пока она рядом, мое влияние незыблемо. Ты ведь не хочешь, чтобы я лишился всех благ? Это и в твоих интересах, не усложняй.

На глаза навернулись слезы, а жестокость сказанного с трудом доходила до уставшего сознания. Только теперь, глядя на них, я с жгучей ясностью осознала, насколько фальшивым было всё вокруг. Ведь после смерти своего мужа — лучшего друга Люциана — она регулярно навещала наш дом, а муж неизменно уверял меня, что помогает ей исключительно из благородной памяти о товарище. Они были вместе еще до нашей свадьбы, а вся моя хваленая «семейная идиллия» оказалась лишь прикрытием.

Не желая дальше слушать это, я бросилась в детскую, забрала малышку и тайком уехала в родительский дом. Плача и сбиваясь, я изливала душу матери, жаловалась на измену и твердила, что не смогу остаться с Люцианом.

Мать гладила меня по голове, пытаясь утешить, и лишь качала головой:

— Ну что ты такое говоришь, Ная? Ты же так его любишь, твои глаза всегда горели при разговорах о нем! Да и Люциан любит тебя. Он ведь не ушел к Вивьен и не женился на ней. А у взрослых мужчин есть свои потребности — и пока он ждал твоего взросления, и во время твоей беременности, когда ты была так слаба... Мужчины оступаются, с этим нужно смириться. Не разрушай семейное счастье из-за глупой обиды, прости его и дай шанс всё исправить.

Слова матери и собственная растерянность заставили усомниться в своем решении. Когда меня вернули в усадьбу, Люциан уже уехал. Я порадовалась, что осталась одна, ведь это позволило мне привести мысли в порядок. Слова матери и воспоминания о былой заботе Люциана заставляли сомневаться и удерживали от немедленного разрыва.

В ночь его возвращения я проснулась от жажды. Не желая будить слуг, поднялась с постели и тихо пошла на кухню. Путь пролегал вниз по лестнице, мимо гостевых комнат. Из-за двери одной из них доносился шум. Насторожившись, я решила проверить, медленно приоткрыла дверь — и застыла, не в состоянии поверить в то, что вижу.

На краю массивного стола, с задранными до бедер шелковым платьем, сидела Вивьен. Люциан, все еще в дорожном камзоле, грубо сжимал её обнаженные бедра и с жадной, безудержной страстью вбивался в нее. Влажные, звонкие шлепки тел смешивались со скрипом тяжелого дерева. Каждый его резкий, глубокий толчок заставлял стол раскачиваться,

а Вивьен извивалась от наслаждения, отчаянно глуша стоны о собственную ладонь. Воздух в комнате искрил от горячего дыхания и дикой, первобытной похоти.

Из моего горла вырвался судорожный всхлип. Ужаснувшись, я развернулась и бросилась обратно в свою спальню, так и оставив дверь приоткрытой.

Я упала на кровать и уткнулась лицом в подушку, горько рыдая от разрывающей грудь боли и отвращения. Спустя несколько минут дверные петли тихо скрипнули.

Я обернулась, прекрасно понимая, кого увижу.

В комнату вошел Люциан. Его волосы были слегка взъерошены, а дыхание еще не совсем выровнялось, но на лице застыло лишь холодное, отстраненное безразличие.

Вскочив с кровати, я подошла прямо к нему и высказала всё, больше не сдерживая слез и ярости:

— Как ты мог?! Я всё знаю, Люциан! Слышала твой разговор с Вивьен перед отъездом, а сейчас... прямо в нашем доме, не думая ни обо мне, ни о своей дочери! Зачем ты вообще женился на мне?! Зачем изображал эту любовь?! Я не останусь с тобой больше ни дня! Забираю дочь и подаю на развод!

Люциан молча выслушал мой крик.

— Развод? — ровным тоном произнес он. — Перестань устраивать сцены, Ная. Успокойся. У всех мужчин есть свои потребности и слабости, но это ничего не меняет. Ты моя жена, и продолжишь вести себя соответственно.

Не став слушать больше ничего, он просто вышел, заперев снаружи дверь.

Те дни, что я провела под замком, прошли в попытках спланировать свои дальнейшие действия — из произошедшего было понятно, что так просто меня не отпустят. Комнату снова запирали каждый раз, как только служанка уходила, принеся еду.

Спустя три дня Люциан выпустил меня, разрешив передвигаться по дому, но строго предупредил, что слуги знают про указ не выпускать меня из поместья без его сопровождения. Пользуясь тем, что получила передышку, и тем, что Люциан после нашей ссоры спал в отдельной спальне, я действовала. Прячала деньги, искала в библиотеке карты, чтобы проложить маршрут, ведь на помощь родителей рассчитывать не приходилось.

На третью ночь я решилась.

Надев удобный брючный костюм, я повесила на шею цепочку с артефактом пространственного кармана. В него уложила самое необходимое: одежду для дочки, два запасных комплекта для себя, деньги, драгоценности и документы.

Тихо выскользнув из комнаты, я направилась в детскую, мечтая только забрать малышку и исчезнуть. Но дойти до двери не успела.

Отделившаяся от стены тень перекрыла путь. Сильный рывок, ощутимый удар лопатками о камень, и пальцы Люциана сомкнулись на моем горле.

— Ты так и не смирилась, Ная, — тихо, почти с сожалением прошептал он, глядя на меня с холодным безразличием. — Хорошо, что я перестраховался. Те дни, что ты сидела под замком, я даром не терял и подготовил родовой ритуал. Слишком рискованно для двухмесячного младенца, но ты не оставила мне выбора. И знаешь? Всё прошло успешно. Ритуал показал, что твой дар передан ей. У моего рода есть наследница, а лишние проблемы мне не нужны.

Пальцы Люциана сжались, окончательно перекрывая доступ воздуху. Я задыхалась, перед глазами темнело. И последнее, что я услышала, погружаясь в вечную темноту — горький, надрывный плач моей дочери...

Грудь судорожно вздымалась, тело всё ещё была мелкая дрожь. Ощущение смерти было слишком свежим, я ещё не успела осознать реальность и понять, как и почему оказалась здесь.

Раздавшийся стук в дверь вырвал меня из оцепенения. Я вздрогнула, резко села на постели и поджала к себе дрожащие колени. Взгляд заметался по комнате, и сердце замерло: это была не спальня в усадьбе мужа. Я находилась в своей детской комнате, в доме родителей.

— Войдите, — хрипло выдохнула я.

Дверь отворилась, и на пороге показалась служанка.

Анаис (Ная) де Лакруа - как вам наша Героиня? =)

Встретив мой растерянный взгляд, она произнесла:

— Леди Анаис, вы наконец очнулись!

— Как я здесь оказалась? — мой голос прозвучал сухо и хрипло. — Кто меня привез? Где моя дочь?

Девушка растеряннo моргнула, явно сбита с толку вопросом.

— Ребенок? — она слегка удивилась. — Госпожа, вы пролежали в беспамятстве целую неделю, должно быть, ваше сознание еще спутано. Я позову лекаря, он как раз в гостинной.

Пока она спешила к дверям, я медленно опустила взгляд на свои руки, потерла запястья. Кожа была гладкой и бледной. На ней не было ни выющейся брачной татуировки, ни фамильного браслета де Вейлов.

Внутри всё похолодело. Как такое возможно? Люциан ни за что не позволил бы снять браслет, а татуировка... магическая вязь не исчезает бесследно. Что же произошло? Неужели Люциан всё-таки решил дать мне развод?

Служанка вновь отворила дверь, впуская в спальню лекаря. Шлейф из ароматов сухих трав вызвал у меня легкое головокружение. Мужчина с озабоченным видом подошел ближе, коснулся моего запястья, проверяя пульс. Затем сделал несколько плавных пассов рукой над моей грудью, диагностируя общее состояние. Удовлетворенно кивнув, он опустил руки.

— Самое сложное позади, леди Анаис, — произнес он

негромко. — Ваша болезнь отступила. Последствия этой лихорадки не исчезнут мгновенно. Слабость и истощение организма задержатся с вами. Но если вы будете строго соблюдать мои указания, обещаю — к вашему семнадцатилетию я поставлю вас на ноги.

«К семнадцатилетию?»

Я непонимающе уставилась на него. Эта фраза прозвучала как нелепая шутка. Мне двадцать три. Я давно замужем.

В этот момент в коридоре послышались торопливые шаги, и в спальню буквально вбежала мама. Она бросилась к кровати и сжала мои руки.

— Ная, девочка моя! — ее голос дрожал от волнения. — Хвала Свету, ты очнулась. Мы так испугались. Лекарь говорит, тебе нужно набираться сил... Не переживай ни о чем, слышишь? Если будет нужно, мы перенесем прием в честь твоего семнадцатилетия. Главное сейчас — чтобы ты полностью поправилась.

Я смотрела на маму, слышала эти слова, и разум отказывался верить. Не могли же они все вместе договориться — и браслеты, и татуировка, и лихорадка, и день рождения... Поведение домашних пугающе напоминало то, что было тогда, в прошлом. Неужели я действительно погибла? Слишком много несостыковок для простого бреда. До приема и судьбоносной встречи с Люцианом оставались считанные недели. Мой ребенок остался где-то в другом, недостижимом времени. От потери внутри всё сжалось, но я заставила себя ды-

шать ровно.

Лекарь тем временем достал из саквояжа темный флакон и протянул его мне.

— Из-за осложнений я усовершенствовал формулу вашего обычного отвара, — деловито пояснил он. — Теперь он должен действовать лучше, чтобы помочь организму восстановиться. Но принимать его придется чаще.

Я взяла стекло дрожащими пальцами. Это было привычное с детства средство, которое он готовил для меня годами. В голове мельком пронеслась странная мысль: по какой-то причине в более поздние годы, уже после моего замужества, надобность в этом составе плавно сошла на нет. Но анализировать это сейчас не было сил. Сделав глубокий вдох, я послушно выпила горьковатый отвар.

— А теперь вам нужно больше отдыхать, — добавил лекарь. Он протянул мне небольшую мензурку с прозрачной жидкостью. — Выпейте это восстанавливающее зелье. Чтобы окончательно окрепнуть, ближайшую неделю вам предстоит провести в постели, набираясь сил.

Я послушно сделала глоток. Мягкое тепло разлилось внутри. Я откинулась на подушку и ощутила, как тяжелые веки закрываются, погружая меня в спасительный сон.

Восстановление

Дни моего восстановления тянулись мучительно медленно. Спать целыми днями я больше не могла, но и сил для активной жизни катастрофически не хватало. Ослабленное лихорадкой тело отказывалось подчиняться, превращая каждое движение в испытание: первые дни я была настолько слаба, что мама и служанки не только помогали мне подняться, но и кормили с ложки жидким бульоном и протертыми фруктами. На полноценные ванные процедуры сил тоже не оставалось совсем, поэтому гигиену поддерживали с помощью магических плетений.

Мягкий утренний свет пробивался сквозь легкие занавески, освещая просторную спальню. С каждым днем моя комната всё больше превращалась в настоящую оранжерею: на столах, широких подоконниках и комодах стояли хрустальные вазы с редкими цветами и плетеные корзины с сочными, спелыми фруктами. Всё это великолепие регулярно прибывало от отцов. Они находились в Корвии — горной и суровой стране, где лично проверяли работу шахт по добыче Виридиса. Этот редкий драгоценный камень насыщенного зеленого цвета обладал колоссальным магическим потенциалом и неизменно высоко ценился при создании артефактов и сложных амулетов.

Шахты достались нашей семье еще от моего родного от-

ца, и сейчас Рейнард и Бран вели напряженные переговоры с местным графом, надеясь закрепить сделку и открыть там совместный ювелирный филиал. Несмотря на занятость, в своих коротких вестниках они беспокойно расспрашивали маму о моем самочувствии и обещали любой ценой успеть вернуться до моего семнадцатилетия.

Знакомые с детства стены, запах травяных отваров и непрерывная забота мамы дарили ощущение абсолютной безопасности. Но стоило мне остаться одной, как накатывала тоска. Глядя на ласковую маму и читая теплые письма отцов, я всё чаще ловила себя на мучительной мысли: «Что, если вся эта "взрослая жизнь" — целых семь лет — была просто невероятно реалистичным сном? Что, если на самом деле никогда не было этой сильной, сжигающей любви, брака, предательства и моего ребенка?»

Ведь в этой спокойной, размеренной реальности шестнадцатилетней девушки ничто не напоминало о том кошмаре. Здесь у меня не было ни брачных татуировок, ни фамильного brasleta де Вейлов на запястьях.

Но если это был лишь сон... почему внутри меня оставалось это щемящее чувство потери и абсолютное непонимание? Где скрывалась правда? Я изо всех сил заставляла свой уставший разум цепляться за надежду, что увиденное — лишь плод воспаленного лихорадкой воображения и оно никогда не станет реальностью.

На пятый день моего вынужденного ничегонеделания

дверь тихо отворилась, и в спальню вошла мама. В руках она бережно держала гладкую магическую дощечку — артефакт-визуализатор, в углу которого мягко мерцал крошечный встроенный кристаллик Виридиса.

— Ная, солнышко, я слышала, тебе сегодня получше? — Она с мягкой улыбкой присела на край моей постели, поправив одеяло. — Из столичного ателье прислали предварительные эскизы костюмов и платьев на бал в честь твоего семнадцатилетия. Хочешь посмотреть на наброски твоего платья?

При этих словах внутри меня что-то болезненно сжалось: в памяти мгновенно, вспышкой, всплыл точно такой же момент из того самого сна.

Мама легонько коснулась зеленого камня. Полированная поверхность дощечки на миг подернулась рябью, а затем на ней четко проявился силуэт платья, плотно облегающий талию и пышно расширяющийся книзу, с очень сложным, замысловатым узором вышивки вдоль корсета.

В груди всё похолодело, а сердце пропустило удар. Этот набросок казался пугающе знакомым. Очень похожее, практически идентичное платье я видела на себе в своем сне, в тот самый вечер, когда моя судьба была предрешена.

«Это просто совпадение, — судорожно убеждала я саму себя, пряча руки под одеяло и скрывая мелкую дрожь в пальцах. — Эскиз — это еще не само платье... Это ничего не значит».

Но ледяное зерно сомнения уже было посеяно в моей ду-

ше.

Сомнения

На шестой день я чувствовала себя значительно лучше. Дождавшись, пока служанка сменит бутылку с водой на прикроватном столике и выйдет, я впервые решилась на попытку самостоятельно встать. Голова слегка закружилась, но, удерживая равновесие и опираясь о край кровати, я медленно подошла к огромному зеркалу на стене у входа в ванную.

С гладкой поверхности отражения на меня смотрела высокая, пугающе хрупкая девушка. Длинные черные волосы мягкими волнами ниспадали на плечи, еще сильнее оттеняя бледную, почти прозрачную после болезни кожу. В больших зеленых глазах застыла совсем не детская, затаенная, глубокая печаль. Тяжелая лихорадка и частые недомогания, преследовавшие меня с самого раннего детства, оставили на мне отпечаток болезненной худобы.

Глядя на себя, я вдруг ощутила острый диссонанс. Та, взрослая женщина из моего сна, казалась уверенной, сильной, полностью сформировавшейся. А отсюда на меня смотрела испуганная, надломленная долгой болезнью девочка.

Я тяжело опустилась на пуфик у трюмо. Что, если поверить, будто та, прошлая жизнь мне вовсе не привиделась в бреду? До грандиозного приема оставалось всё меньше времени. Именно там, среди музыки, света свечей и танцев, ко мне впервые должен приблизиться Люциан де Вейл. Слепи-

тельный герцог, правая рука самого короля. Человек, который в том кошмаре красиво и настойчиво ухаживал за мной, окружил заботой и вниманием, чтобы затем, получив желаемое, внезапно и стремительно разрушить наше счастье и мою жизнь.

Но если это всё-таки правда? Я не могла просто взять и сбежать. Ведь бред во время тяжелой болезни тоже мог казаться до пугающего логичным, мозг мог просто выстроить реалистичную картину из обрывков страхов. Но если нет? Куда пойдет шестнадцатилетняя, слабая после болезни девушка без собственных денег, без магии и нужных связей? На что и как я буду выживать в огромном мире? Меня могли слишком быстро найти и вернуть домой, или же я попросту не справилась бы одна.

Я не могла и открыто заявить родителям, что наотрез отказываюсь от любого знакомства с герцогом. В Альверии царило равноправие — женщины работали и учились где захотят, и могли сами выбирать мужей, не оглядываясь на мнение семьи. Но не в моем случае. Главная проблема заключалась именно в статусе жениха. Семья ни за что не допустит моего отказа от такого политически выгодного союза, высший свет этого просто не поймет. А если Люциан по какой-то своей причине решит настоять на браке, ему всегда сможет помочь сам король — а людям такой величины не отказывают, правила для них не работают.

Пока я видела лишь один безопасный выход.

Я должна сыграть ту роль, которую от меня все ждут. Для любимых родителей я останусь всё той же искренне любящей, послушной дочерью. А для Люциана... Если в том воспоминании его привлекла моя наивность, живость и открытость, теперь мне нужно усыпить его бдительность. Стать максимально неинтересной, слабой и скучной леди Анаис. Девушкой, которая лишь густо краснеет от мужских взглядов и постоянно болеет.

Частые недуги и физическая слабость делали меня беспомощной в глазах окружающих. Я воспользуюсь этим образом. У меня есть время до праздника, чтобы окончательно окрепнуть физически, попытаться найти другие подтверждения увиденному в кошмаре и разобраться: был ли это лишь тяжелый бред, или мне действительно нужно готовиться к худшему, чтобы избежать этого страшного брака навсегда.

С этими мыслями я решила не возвращаться в постель. Накинув на плечи теплую шаль поверх платья, я тихо приоткрыла дверь и вышла в коридор.

В особняке было тихо и светло. Я медленно шла вдоль стен, опираясь рукой о резные деревянные панели, просто наслаждаясь возможностью покинуть свою комнату.

Приближаясь к лестнице, ведущей на первый этаж, я уловила приглушенные звуки. Из приоткрытых дверей малой гостиной доносился уютный звон фарфоровых чашек и знакомые голоса, от которых по сердцу моментально разлилось

тепло.

Открыв дверь, я вошла.

Разговоры мгновенно стихли. Присутствующие в комнате обернулись ко мне, и на их лицах отразилась целая гамма эмоций — от легкого испуга до безграничного облегчения.

— Ная! — мама тут же отставила свою чашку на блюдце и в мгновение ока оказалась рядом.

Она бережно подхватила меня под руку, поддерживая, и повела к мягкому дивану. Усадив меня среди подушек, она заботливо подоткнула края моей шали и придвинула тарелочку с запечёнными фруктами.

Рейнард подошел ко мне, слегка приобнял, поцеловав в макушку. На его лице, обветренном после долгого пути через перевалы, расцвела теплая улыбка. — Наша леди снова с нами, — его голос вибрировал от нежности. — Корвия встретила нас ледяными морозами, но весть о твоём выздоровлении согрела нас лучше любого огня. Мы так волновались за тебя.

Бран опустился в кресло напротив, с ласковой улыбкой рассматривая мое бледное лицо. — Неужели наша спящая красавица решила почтить нас своим присутствием? — подоброду подшутил он над моей слабостью и подтянул к себе сверток, лежащий на столе. — Смотри, что я привез.

Он протянул мне изящную шкатулку из отполированного горного камня, внутри которой оказались засушенные корвии — забавно, этот горный, сладко пахнущий цветок назва-

ли именем суровой страны, в которой он растет. — Спасибо, — мой голос прозвучал тихо, с легкой хрипотцой, но я искренне улыбнулась. От их присутствия, от этой всеобъемлющей, укутывающей заботы на душе становилось спокойно и безопасно.

В этот момент в дверь гостиной робко постучали. На пороге показалась служанка с небольшим подносом в руках. — Леди Анаис, я не нашла вас в спальне, а уже пора принимать отвар, — виновато произнесла она, глядя на меня. Мама кивнула, забрала у неё чашку и сама передала её мне, поставив рядом на столик ароматный чай с мёдом, чтобы я могла перебить горечь лечебного зелья.

Пока я маленькими глотками пила свой привычный отвар, разговор плавно вернулся к их поездке. Отцы рассказывали маме о результатах переговоров с местным графом. Речь ожидаемо зашла о шахтах по добыче Виридиса. Бран упомянул, что переговоры прошли успешно, и доверенный графа должен посетить нас как раз в день праздничного приема, чтобы уладить последние формальности.

При упоминании шахт мои пальцы, сжимавшие теплую чашку, мелко дрогнули. В груди что-то болезненно сжалось, а в голове зазвучал крик отца, шум падающих камней и темнота, накрывшая меня. Я не помнила, что произошло до, а всё остальное знала лишь из рассказов родителей.

Как мне рассказывали, в шахте произошел обвал. Отца спасти не успели. А меня нашли под завалами лишь спустя

время, без сознания. Мои магические каналы оказались полностью выжжены. Наверное, произошел магический всплеск и такое накопление магической руды как-то повлияло — никто не смог объяснить произошедшее. Осталось лишь смириться с реальностью и радоваться, что меня удалось спасти. Ведь в этом возрасте моя магия уже проявляла себя, и, оставшись без нее, я бы не выжила, но наш семейный лекарь смог совершить невозможное. Он разработал особый восстанавливающий состав. Зелье, которое с тех пор буквально заменяло моему телу привычную магическую подпитку и из года в год удерживало жизнь в ослабевшем организме.

Я опустила взгляд на темную жидкость в своих руках. В голове вдруг промелькнула мысль: в той призрачной, взрослой жизни, став старше и выйдя замуж, я по какой-то причине совершенно перестала нуждаться в этом спасительном лекарстве. Как такое вообще возможно? Может, когда-нибудь кто-то разработает другое лечение?

Отцы, заметив мою внезапную бледность, тут же сменили тему. Они с воодушевлением начали расспрашивать маму, как идет подготовка к моему грядущему семнадцатилетию.

Мама под села ко мне на диван, нежно погладила по черным волосам и мягко произнесла: — Тебе совершенно не о чем волноваться, девочка моя. Ты у нас такая хрупкая, такая нежная... Твоя единственная задача сейчас — беречь себя, набираться сил и просто позволить нам заботиться о тебе.

Допив горький отвар, я прикрыла глаза. Этот первый са-

мостоятельный поход из спальни и нахлынувшие тяжелые воспоминания дались всё ещё ослабшему организму нелегко, и я почувствовала резко накатившую усталость.

Игра началась

Две недели пролетели словно в тумане. За это время, благодаря непрерывному отдыху, усиленному питанию и разным отварами, я действительно окрепла. Головокружения стали реже, и я наконец-то самостоятельно передвигалась по особняку. Но чем лучше я себя чувствовала, тем сильнее нарастала внутренняя тревога.

За два дня до грандиозного приема в мою спальню внесли несколько массивных коробок из столичного ателье. Мама лично руководила процессом, ее глаза светились от предвкушения праздника.

— Ная, дорогая, давай примерим! Портнихи трудились над ним несколько недель, — ворковала она, пока служанки осторожно извлекали наряд из шуршащей бумаги.

Когда платье развернули, я застыла. Это было именно оно — цвет, фасон, они были идентичны тому, что я помнила из своего реалистичного сна. То самое платье, чей эскиз я видела на магическом визуализаторе. Глубокий, насыщенный изумрудный цвет тяжелого шелка. Плотный облегающий корсет, расшитый замысловатым, сложным узором из серебряных нитей, и пышная, струящаяся юбка.

Под радостные охи служанок меня облачили в этот шедевр. Платье сидело идеально, подчеркивая мою хрупкость и контрастируя с бледной кожей и длинными черными воло-

сами.

В дверь деликатно постучали, и в комнату зашли Рейнард и Бран.

— Наша леди просто ослепительна, — с искренним восхищением выдохнул Бран, подходя ближе.

Рейнард тепло улыбнулся и протянул маме продолговатый бархатный футляр.

— Мы подумали, что к этому наряду не хватает лишь одной детали. Это наш подарок к твоему грядущему дню рождения, Ная.

Мама открыла футляр и ахнула. На черном бархате лежало изящное ожерелье тонкой работы и пара серег с каплевидными камнями Виридиса, которые мягко мерцали внутренним магическим светом. Она осторожно достала ожерелье и застегнула его на моей шее. Холодный металл коснулся кожи, и меня пробила крупная дрожь.

— Посмотри на себя, милая, — мама мягко развернула меня к огромному зеркалу.

Я подняла взгляд на свое отражение, и сердце в груди замерло.

Из зеркала на меня смотрела девушка из моего прошлого. Платье, сложная вышивка корсета, зеленый блеск Виридиса в ушах... Всё совпадало. Если поразительное сходство наряда еще можно было списать на разыгравшееся воображение после того, как я увидела эскиз, то новый гарнитур не оставлял никаких сомнений. Я никак не могла знать заранее,

как будут выглядеть украшения, которые отцы подарили мне только сейчас.

Это больше не могло быть совпадением. Мой сон действительно был прошлой жизнью. И теперь эти события надвигались на меня пугающе стремительно. На приеме меня представят Люциану. Если я ничего не предприму, всё повторится: брак, предательство и смерть в холодном коридоре под плач собственного ребенка.

— Ная? Ты так побледнела. Тебе нехорошо? — обеспокоенный голос Рейнарда донесся словно сквозь толщу воды.

Я заставила себя моргнуть и слабо, извиняюще улыбнуться отражению.

— Всё в порядке. Просто... платье немного туго зашнуровано, и я, кажется, переволновалась. Оно невероятно красивое. Спасибо вам огромное.

Сославшись на усталость перед торжеством, я попросила служанок помочь мне раздеться и оставить меня одну.

Как только за последней горничной закрылась дверь, мои колени подогнулись. Я сползла на пушистый ковер у кровати, обхватила себя руками и беззвучно расплакалась. Слезы текли по щекам, смывая остатки наивной надежды на то, что всё увиденное было лишь кошмаром. Я оплакивала свою отнятую жизнь и ребенка, которого оставила там, в темноте.

Когда рассвет окрасил небо за окном, я поднялась с пола. Глаза опухли, а в груди поселилась холодная, звенящая пустота. Я зашла в ванную, ополоснула лицо ледяной водой и

посмотрела в зеркало.

Слезы кончились. Завтра я должна стать для герцога де Вейла самой неинтересной, слабой и пугливой леди во всей Альверии. Игра началась, и ставка в ней высока — счастье и жизнь.

----- продолжение 12/9 -----

Оставшиеся до приема сутки пролетели в бесконечных приготовлениях. Я позволила служанкам хлопотать вокруг себя, ни единым жестом не выдавая бушующей внутри бури.

— Я так волнуюсь, мама, — тихо призналась я во время сборов, пока она бережно поправляла складки моей изумрудной юбки. — Там будет столько незнакомых людей...

— Всё будет хорошо, родная, — она нежно коснулась моей щеки. — Тебе не нужно никого впечатлять. Просто будь собой. Мы всегда будем рядом.

Когда наступил вечер, наш столичный особняк преобразился, засияв тысячами огней. Трехэтажное старинное здание из белого камня поражало воображение: украшенное к балу, оно выглядело по-настоящему сказочным. Десятки изящных спален, просторные гостиные и галереи, наполненные редкими картинами, диковинными растениями и коллекционными предметами искусства, были оснащены новейшими артефактами-регуляторами, поддерживающими идеальную температуру в комнатах.

Семья де Лакруа занимала завидное положение в высшем свете.

Парадный балльный зал с высокими сводами, зеркальными панелями, колоннами, увитыми живыми цветами, и парящими хрустальными люстрами, сиял чистотой после тщательной подготовки под чутким маминым присмотром.

Мы сразу прошли вглубь зала и расположились неподалеку от возвышения для музыкантов. Лакеи встречали прибывающих гостей у парадного входа и почтительно провожали их к нашей семье для приветствий и поздравлений.

Из-за многолетней болезни я почти никогда не покидала пределы поместья и совершенно не привыкла к такому количеству людей. В этом тяжелом шелковом платье глубокого изумрудного цвета, с мерцающим Виридисом в ушах, я казалась себе диковинным цветком, который наконец вынесли из оранжереи. Гости подходили один за другим, с нескрываемым любопытством разглядывая меня — ту самую затворницу де Лакруа. Отчимы радушно здоровались со знакомыми и представляли меня гостям. Меня осыпали комплиментами, а я лишь опускала глаза и смущенно краснела. От непривычного шума и множества пристальных взглядов я действительно чувствовала себя неудобно, так что играть испуг не приходилось.

Среди первых нас приветствовали граф Сорель, контролирующий крупнейшие торговые пути на юге Альверии, и баронесса Вентворт. Наблюдая, как женщина направляется к нам, мама склонилась к самому моему уху:

— Будь с ней осторожна, милая. Баронесса — главная

сплетница столицы, а еще и владелица знаменитого ателье «Серебряная нить», где мы заказывали твой наряд. Это весьма выигрышное комбо: за чашечкой чая в её салоне можно узнать все тайны высшего света, а заодно приобрести поистине эксклюзивные вещи.

Спустя мгновение баронесса подошла ближе, цепким взглядом окинув мою фигуру.

— Ах, леди Селена, ваша дочь просто обворожительна! — пропела она, всплеснув руками. — Я сразу поняла, что этот глубокий изумрудный шелк и сложная вышивка из серебряных нитей превратят ее в настоящую королеву вечера. Мои мастерицы превзошли сами себя, не так ли?

— Работа вашего ателье, как всегда, безупречна, леди Вентворт, — вежливо отозвалась мама, пока я скромно опускала глаза.

Постепенно балльный зал наполнялся. Между столами с закусками бесшумно скользили вышколенные лакеи, разнося на серебряных подносах искрящиеся напитки в хрустальных бокалах. Повсюду звучал легкий смех, шелест дорогих тканей и приглушенный гул светских бесед.

Вскоре массивные двери зала в очередной раз открылись — и мое сердце пропустило удар. Уверенной походкой к нам приближался Люциан де Вейл.

Герцог, Высший Советник и Правая рука Короля. Его породистое лицо с резкими чертами не выражало эмоций, темные волосы были безукоризненно уложены, а строгий крой

камзола лишь подчеркивал властную, хищную осанку.

Стоило мне встретиться с его холодными серыми глазами, как воздух застрял в горле в попытке судорожно сделать вдох. Болезненная любовь и ужас слились в один удушливый ком.

Он направился прямо к нам. Аристократы почтительно расступались перед ним, словно перед королевской особой.

Я заметила, как мгновенно напряглись спины отчимов, и как фальшиво, заискивающе растянулись их улыбки. Для мамы Люциан был лишь невероятно статусным гостем, оказавшим нашей семье огромную честь своим визитом, но отчимы смотрели на него иначе. Не как на равного, а как на своего полноправного хозяина, от которого зависело слишком многое.

— Ваша Светлость, — Рейнард почтительно склонил голову. — Для нашего дома огромная радость принимать вас сегодня.

Люциан ответил скупым кивком. Его внимательный взгляд неспешно скользнул по отчимам, после чего он перевел внимание на маму.

— Рейнард, Бран. Рад застать вас в столице, — ровно произнес он. — Леди Селена, вы очаровательны. Позвольте принести вам поздравления по случаю семнадцатилетия вашей дочери.

Его бархатистый голос заставил волосы на моих руках встать дыбом. Люциан наконец посмотрел прямо на меня.

— Леди Анаис, вы подобны редкому цветку, который так долго скрывали от наших глаз. Ваша красота поистине уникальна.

— Благодарю вас, Ваша Светлость, — прошептала я, потупив взор. Внутри меня всё оборвалось. Он озвучил вслух почти ту же мысль о спрятанном цветке, что крутилась у меня в голове всего час назад. От этого пугающего совпадения по спине пробежал ледяной холодок.

— Окажете ли вы мне честь, подарив свой первый танец? — произнес Люциан, сделав шаг ближе.

Я открыла было рот, собираясь отказать, сославшись на слабость, но Бран легонько коснулся моего локтя, не давая отступить.

— Разумеется, Ваша Светлость. Анаис будет счастлива.

В этот момент к Рейнарду подошел дворецкий и сообщил, что почти все приглашенные в сборе. Кивнув, отчим поднялся на небольшое возвышение перед музыкантами, привлекая внимание зала.

— Дорогие гости! — разнесся под сводами его уверенный голос. — Мы безмерно счастливы видеть каждого из вас в этот особенный вечер. Сегодня наша любимая Анаис празднует свое семнадцатилетие, и для нашей семьи это великая радость — наконец-то представить нашу драгоценную дочь высшему свету. Благодарим вас за то, что разделили этот праздник с нами! Прошу всех угощаться и присоединяться к нашему веселью! А теперь — позвольте объявить первый

танец!

Зазвучали первые аккорды вальса. Люциан сделал шаг навстречу, уверенно протянув мне руку. Мне не оставалось иного, кроме как подчиниться. Я вложила свои дрожащие пальцы в его широкую ладонь и позволила увести себя в центр зала.

----- Продолжение 13/9 ----- получилась длинная глава - но она нужна нам =)

Музыка подхватила нас, закружив в плавном, торжественном ритме вальса. Люциан вел уверенно. Его ладонь лежала на моей талии, удерживая на расстоянии которое допускали правила приличия, но при этом заставляя чувствовать каждое его движение.

Меня мгновенно окутал до боли знакомый аромат — ноты терпкого парфюма и свежесть холодного моря. Запах из моей прошлой жизни.

Сердце предательски заныло. Внутри меня столкнулись две несовместимые стихии. С одной стороны — леденящий ужас перед этим мужчиной. Но с другой, к моему собственному испугу, я поняла, что, наверное, еще испытываю к нему чувства. В той жизни всё закончилось слишком быстро и резко, я даже не успела до конца ничего осознать. Тело помнило жар его губ и обманчивое чувство защищенности, и сейчас эта простреливающая боль в сердце смешивалась с горечью от его измены.

— Вы так напряжены, леди Анаис, — его бархатистый го-

лос прозвучал почти над самым ухом. — Вас пугает танец, или наше общество?

Я опустила пушистые ресницы, пряча глаза.

— Нет, Ваша Светлость, — мой голос прозвучал тихо и неуверенно. — Просто... я совершенно не привыкла к такому вниманию. И к такому количеству людей.

Я чуть сбилась с шага, повиснув на его руке сильнее, чем требовалось. В высшем свете это могло бы считаться позором, но из-за охватившего меня волнения я действительно едва держалась на ногах.

Люциан легко удержал меня. Его рука сжала мою талию чуть крепче, поддерживая.

— Вам нечего бояться. Сегодня весь этот зал сверкает только для вас, — мягко произнес он, чуть склонив голову. В его холодных серых глазах не было ни капли раздражения от моей неуклюжести — лишь пристальный, изучающий интерес. — Признаться, я даже рад, что ваши родные так долго оберегали вас от столичной суеты. Это позволило вам сохранить ту редкую искренность.

— Вы слишком добры ко мне, Ваша Светлость, — я выдавила из себя слабую, робкую улыбку, по-прежнему не поднимая взгляда. — Боюсь, я очень скучная собеседница. Из-за моей болезни... я быстро утомляюсь и мало что видела в этой жизни.

— Болезни делают цветы лишь более хрупкими и ценными, требующими особой защиты, — Люциан плавно развер-

нул меня в танце, уводя от столкновения с другой парой. Он склонился еще ближе, так, что его дыхание коснулось моей щеки. — Поверьте, леди Анаис, я умею ценить хрупкость. И умею оберегать то, что мне дорого.

От этих слов, от интимной близости его шепота, меня накрыла волна трепетного восторга, которая тут же разбилась о могильный холод страха. Я знала, *как* он оберегает. Запирая в золотой клетке, обманывая и, в конце концов, убивая.

Зазвучал последний торжественный аккорд вальса. Танец завершился. Люциан отступил на полшага, но не выпустил мою руку, галантно коснувшись губами моих пальцев.

Только сейчас я осознала, насколько продуманы были его ухаживания. Каждое слово, каждый жест в этом танце были пропитаны такой заботой и восхищением, что любая другая шестнадцатилетняя девушка на моем месте уже растаяла бы без следа. И разве удивительно, что и та шестнадцатилетняя я так быстро попала под его обаяние.

— Благодарю за этот танец, Анаис, — его голос стал чуть тише, предназначенный только для меня. — Вы очаровали меня.

Я сделала неглубокий, неуклюжий реверанс, чувствуя, как ноги дрожат от слабости — на этот раз абсолютно реальной, вызванной колоссальным нервным напряжением.

— Благодарю, Ваша Светлость, — прошептала я. — Простите меня извинить, у меня немного кружится голова. Мне нужно присесть.

Люциан, вежливо поклонившись, проводил меня обратно к маме. Я опустилась на стул, чувствуя, как мелко дрожат колени под тяжелой тканью юбки. Самое страшное испытание этого вечера осталось позади.

Остаток приема слился для меня в пеструю, утомительную карусель. Мне удалось станцевать по одному неспешному танцу с Рейнардом и Браном — только в их руках я смогла ненадолго выдохнуть и почувствовать себя в безопасности. Когда же зал наполнился быстрыми, веселыми мелодиями, я предпочла остаться наблюдательницей. Гости кружились в танцах, и даже мама, поддавшись уговорам знакомых, счастливо смеясь, отправилась танцевать. Я же провела это время в компании светских дам.

Среди них оказалась юная леди Элиза, дочь одного из столичных виконтов, примерно моего возраста. Живая, румяная и абсолютно беззаботная, она без умолку щебетала о столичных модах, грядущих летних мероприятиях и планах.

— Вы обязательно должны присоединиться к нам на пикник на следующей неделе, леди Анаис! — восторженно уговаривала она, обмахиваясь веером.

Я на мгновение задумалась. В прошлой жизни я бы привычно сослалась на слабое здоровье и отказалась. Тогда всё мое внимание быстро поглотил Люциан: наши встречи, свидания, порхающие бабочки в животе — это всё тоже казалось невероятным счастьем. Но из-за этого я оказалась полностью лишена нормальной светской суеты и знакомств со

сверстниками. Сейчас мне вдруг нестерпимо захотелось всё это наверстать.

— С удовольствием, леди Элиза, — я искренне улыбнулась. — Я буду рада к вам присоединиться.

Ближе к полуночи зал начал пустеть. Мы с мамой стояли у парадных дверей, с дежурными улыбками провожая разъезжающихся гостей. От колоссального нервного напряжения у меня действительно начала гудеть голова, а платье тянуло к земле, словно весило целую тонну.

В какой-то момент я заметила, что Рейнард и Бран незаметно отделились от толпы и скрылись в боковом коридоре. Это показалось мне немного странным — обычно хозяева не покидают зал до ухода последнего гостя. Но настоящая тревога вспыхнула чуть позже.

Спустя несколько минут в толпе мелькнул Люциан де Вейл. Но вместо того чтобы направиться к выходу и попрощаться с нами, он уверенным, целенаправленным шагом свернул в тот же самый коридор, куда только что ушли мои отчимы.

В груди тревожно екнуло. Внутреннее чутье подсказывало, что герцог идет именно за отчимами, и это явно не случайное совпадение.

— Мама, — я слабо коснулась её локтя, изобразив на лице крайнюю степень изнеможения. — Мне уже совсем нехорошо. Голова кружится. Пожалуй, я пойду наверх.

— Конечно, родная, — мама тут же обеспокоенно обер-

нулась ко мне, забыв о гостях. — Ты и так сегодня совершила настоящий подвиг. Иди, отдыхай, я сама со всеми попрощаюсь.

Я покорно кивнула и медленно направилась к парадной лестнице. Но стоило маме отвернуться к очередной подошедшей паре, как я резко изменила маршрут. Придерживая тяжелую юбку, я постаралась как можно тише скользнуть в тень бокового коридора и, затаив дыхание, поспешила следом за герцогом де Вейлом, прямо к массивным дверям отцовского кабинета.

Цена молчания

Я замерла у приоткрытых массивных дверей отцовского кабинета, вжавшись лопатками в холодную деревянную панель стены. Тяжелые складки моей изумрудной юбки, казалось, шуршали слишком громко в этой звенящей тишине, поэтому я судорожно сжала ткань в кулаках, стараясь даже не дышать. Из узкой щели падал тусклый, желтоватый свет, ложась кривой линией на ковер, а из кабинета доносились приглушенные, но отчетливые голоса.

— Мне донесли, что во время лихорадки лекарь изменил состав отвара для Анаис, — голос Люциана де Вейла звучал ровно и спокойно, но в нем не осталось ни капли той обволакивающей светской любезности, с которой он только что разговаривал со мной в бальном зале. Сейчас это был ледяной тон человека, привыкшего безраздельно властвовать.

— Лишь небольшая корректировка, Ваша Светлость, чтобы снять жар, — торопливо ответил Рейнард. В его тоне слышалось тщательно скрываемое напряжение, словно он оправдывался. — Это никак не повлияло на его основные свойства. Мы всё контролируем.

— Надеюсь, что так. Проследите, чтобы она продолжала исправно его принимать. Мне не нужны неприятные сюрпризы, и эти медицинские изменения не должны повлиять на функциональность препарата накануне её восемнадцати-

летия.

В кабинете повисла тяжелая, почти осязаемая пауза. Я чувствовала, как внутри меня начинает зарождаться липкий, пока еще неосознанный страх.

— Мы помним наши договоренности, Ваша Светлость, — глухо и чуть более жестко отозвался Бран. — Анаис пьет лекарство, строго соблюдая режим. Но раз уж мы заговорили о делах... мы бы хотели обсудить расширение наших прав. Нам нужно больше независимости в управлении филиалами.

— Не переходите черту, — тихо произнес герцог.

Он не повысил голос ни на полтона, но от этой обманчивой мягкости мне стало нечем дышать. Люциан ледяным тоном давил на Рейнарда и Брана.

— Ваше благополучие, ваш высокий статус и даже ваша очаровательная жена принадлежат вам лишь потому, что я это позволяю, — продолжил де Вейл. — Вы забываетесь, господа. За такую мизерную цену — всего лишь следить за тем, чтобы девчонка регулярно глотала свой отвар, — вы получили мою колоссальную поддержку.

Я услышала звук шагов — Люциан медленно прохаживался по кабинету.

— Ведь прочные опорные балки в шахтах Корвии не падают сами по себе, не так ли? Особенно там, где добываются столь дорогие и важные камни. К счастью, следователи и король не особо рвались разобраться в столь странном инциденте, не так ли? Я помог вам скрыть информацию. И ваша

свобода, как и ваши жизни, всё ещё зависят исключительно от моего молчания. Так что делайте то, что должны, и не смейте требовать большего.

Я с силой зажала рот обеими руками, впиваясь ногтями в щеки, чтобы не закричать. Грудную клетку сдавило так, словно невидимые тиски вот-вот сломают мне ребра.

Шахты Корвии. Обвал. Мой отец...

Смысл услышанного дошел до меня не сразу. Я зажмурилась, отчаянно отказываясь верить собственным ушам, цепляясь за мысль, что всё это лишь чудовищная ошибка. Но холодный тон Люциана и молчание отчимов не оставляли места для сомнений. Мой родной отец не погиб в результате несчастного случая! Эти люди, которых я искренне называла отцами, которые годами гладили меня по голове и заменили мне семью, хладнокровно убили его! Они подстроили обвал, чтобы забрать всё себе. А герцог де Вейл знал об этом с самого начала и покрывал их.

Мой уютный, безопасный мир рушился на куски, погребая меня под своими обломками. В ушах стоял оглушительный звон. А зелье... Мое спасительное лекарство, которое мама с такой трепетной любовью и слезами на глазах давала мне все эти годы, в детстве даже умоляя выпить до дна... Оно оказалось не просто лечением. Оно было частью их жуткой, грязной сделки с Люцианом, зловещим инструментом, смысл которого был еще не понятным мне, но сейчас моральных сил обдумывать это просто не было. Но одно было

ясно точно: они намеренно держали меня на этой цепи.

Задыхаясь от беззвучных слез, тошноты и первобытного ужаса, я отшатнулась от дверей. Ноги едва держали меня. Медленно, словно в вязком, бесконечном кошмарном сне, я скользнула обратно в спасительную темноту коридора. Не замечая ничего и никого вокруг, я бросилась бежать в свою спальню, желая лишь одного — спрятаться от чудовищ, которые всё это время притворялись моей семьей.

Я захлопнула дверь своей спальни и провернула ключ в замке, дрожащими пальцами вцепившись в холодный металл. Ноги окончательно отказали, и я медленно, судорожно глотая воздух, сползла по гладкому дереву на пол. Грудную клетку разрывало от рваных вдохов, а сердце билось так гулко, что отдавалось в ушах.

Убийцы.

Я зажала рот ладонями, сдерживая рвущийся наружу крик. Слезы обжигали щеки, застилая зрение мутной пеленой. Рейнард и Бран — люди, которые были моей семьей, мои отцы, которые дарили мне подарки и бережно гладили по голове... Они хладнокровно подстроили тот обвал. Из-за них я лишилась родного отца, из-за них я провела долгих восемь лет в абсолютной уверенности, что это был трагический несчастный случай.

А Люциан... Этот безжалостный, ледяной кукловод знал всё с самого начала. Он прикрыл их расследование, шантажировал их, чтобы взамен получить меня.

Перед глазами внезапно всплыло лицо мамы. Её нежные руки, её привычный запах жасмина, её слезы облегчения, когда мне становилось лучше. *Она не знала.* Осознание этого ударило под дых, выбивая из легких остатки кислорода. Моя бедная мама была такой же слепой жертвой их чудовищного обмана. Она искренне любила этих монстров и своими же руками поила меня их отваром, свято веря, что это лекарство, которое спасает мне жизнь.

Истерика набирала обороты. Я обхватила себя руками, раскачиваясь на полу из стороны в сторону. Мой уютный дом оказался иллюзией. В этой огромной, роскошной клетке я была абсолютно одна.

«Что мне делать? Боги, что мне делать?!» — мысли панически метались в голове.

Первым, диким порывом было собрать вещи и бежать прямо сейчас, раствориться в ночной темноте. Но куда я пойду? Слабая, болезненная девушка, ничего не знающая о реальном мире, без гроша в кармане. Люди Люциана найдут меня быстрее, чем я покину пределы столицы. А если я выдам себя здесь — если Рейнард и Бран хотя бы на секунду по моему взгляду заподозрят, что я стояла под дверью их кабинета... Они не пощадят ни меня, ни маму. Им не нужны свидетели.

Дыши, Анаис. Просто дыши.

Я с силой прикусила губу до крови, заставляя физическую

боль отрезвить мятущийся разум. Паника — мой главный враг. В той, прошлой жизни я уже проиграла, потому что была наивной и слепой. Теперь у меня есть знание. И это мое единственное оружие.

Я не могу сбежать прямо сейчас. Мне нужно время. Мне нужно понять, как бороться с Люцианом и как вырваться из этой паутины. А значит, завтра наступит новый день, и когда взойдет солнце, я должна буду снова надеть свою маску. Я выйду к завтраку, буду приветливо улыбаться убийцам моего отца и позволю маме ухаживать за собой. Я стану самой послушной, самой больной и тихой во всей Альверии, чтобы усыпить их бдительность.

Уткнувшись мокрым лицом в колени, я просто рыдала. Я оплакивала отца, две своих разрушенных жизни и жалела себя, маленькую обманутую, одинокую девушку.

----- Продолжение 15/9 -----

Остаток ночи я провела в беспокойном забытье. Когда утреннее солнце пробилось сквозь тяжелые шторы, я чувствовала себя совершенно разбитой. Физическое и моральное истощение навалилось неподъемным грузом, но это было мне даже на руку: ссылаясь на крайнюю слабость после вчерашнего приема, я могла вполне обоснованно не покидать свою спальню и не видеть лиц убийц моего отца.

Мама забегала ко мне несколько раз, окутывая меня запахом своих любимых духов. Она с тревогой касалась моего лба, поправляла одеяло и мягко сетовала на то, что столич-

ные балы слишком утомительны для моего хрупкого здоровья.

— Рейнард и Бран просили передать тебе самые теплые пожелания скорейшего выздоровления, милая, — ласково произнесла она, погладив меня по руке. — У них с утра много дел с бумагами и ювелирными филиалами, но они велели тебе ни о чем не беспокоиться и просто набираться сил.

Я лишь слабо кивнула, прячая глаза. Идеально. Они занимаются своими делами, а я получаю законную передышку и могу не разыгрывать перед ними любящую, благодарную дочь.

Но моя хрупкая иллюзия безопасности рухнула уже через час.

В дверь тихо постучали, и в спальню вошла служанка. В её руках была пугающе огромная корзина нежных, белоснежных цветов, источающих тонкий, сладковатый аромат, и расписная коробка с дорогими конфетами.

— Это доставил посыльный, леди Анаис. От Его Светлости герцога де Вейла, — с благоговейным придыханием сообщила девушка, ставя подарки на столик у окна. — И здесь записка.

Как только служанка удалилась, я дрожащими пальцами развернула плотный пергамент с золотым тиснением. Знакомый, размашистый почерк резанул по глазам:

«Прекрасная леди Анаис. Надеюсь, эти скромные дары скрасят ваше утро после столь утомительного бала. Ваша

хрупкость требует самой трепетной заботы, и я намерен её обеспечить. Люциан».

Дыхание перехватило. Сладкий цветочный запах внезапно показался приторным до тошноты. Я отшвырнула записку, словно она жгла пальцы, и сжалась в комок на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Истерика, которую я так старательно давила в себе ночью, накрыла меня с головой. Он уже начал свою игру. Хищник ясно дал понять, что не выпустит свою добычу из виду, напоминая, что я от него никуда не денусь. Я рыдала, задыхаясь от паники и бессилия, понимая, что невидимая удавка на моей шее только начала натягиваться.

Мои слезы прервал тихий мелодичный звон. Прямо сквозь приоткрытое окно в комнату влетел магический вестник — полупрозрачная, светящаяся птичка, сложенная из бумаги. Сделав круг над кроватью, она опустилась на тумбочку. Стоило мне осторожно коснуться её бумажного крыла, как она тут же заговорила звонким, радостным голосом леди Элизы:

«Милая леди Анаис! Вчерашний бал был просто чудесным, я была бы безмерно рада продолжить наше знакомство! Как я и упоминала, через два дня мы устраиваем небольшой пикник. Очень надеюсь, что вы успеете отдохнуть и присоединитесь к нам! Обещаю, будет весело и совсем не утомительно!»

Вестник рассыпался золотистыми искрами, а я медленно

вытерла мокрые щеки.

Пикник. Через два дня.

Это был мой шанс. Идеальный повод выбраться из этого дома, полного лжи, хотя бы на несколько часов и побыть обычной светской девушкой. А пока, чтобы ничем не выдать себя, я лучше проведу всё оставшееся до пикника время в своей комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.